

Секция «История»

Болезнь Ленина и рождение «тройки»

Апальков Дмитрий Игоревич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: apal_d@mail.ru

Принятая в марте 1921 г. X съездом РКП (б) резолюция «О единстве партии» запрещала фракционную деятельность в партии. Вместе с тем уже к 1921 г. фракционный метод вошел в большевистскую политическую культуру настолько прочно, что его нельзя было искоренить посредством никакой резолюции. После 1921 г. фракции продолжали существовать, запрет лишь сделал фракционную политику более скрытой, а значит — и более опасной. Резолюция «О единстве партии» создавала возможность того, что лидеры победившей фракции при должной поддержке в ЦК и ЦКК могли добиться снятия с должности или даже исключения из партии побежденных, инкриминировав им фракционную деятельность.

Очевидно, что единственным фактором, сдерживавшим активность фракционной деятельности внутри партии большевиков, был непререкаемый авторитет ее вождя и наставника — Ленина. Однако 25 мая 1922 г. произошло то, что стало поворотным моментом на пути к бескомпромиссной внутрипартийной борьбе 20-х гг. Ленин перенес свой первый инсульт, который вывел его из строя на несколько месяцев.

Именно в эти дни, когда в любой момент мог встать вопрос о преемнике Ленина, и стала складываться «тройка», состоявшая из Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. Несмотря на определенные разногласия и далеко идущие планы каждого из членов «тройки», их объединяла общая цель — не допустить лидерства «второго человека в партии» Троцкого, блокировать его инициативы, дискредитировать и в итоге исключить из процесса политической жизни.

Вернувшись к работе после полугодового отсутствия, Ленин был глубоко разочарован тем, что увидел. Позднее Н.К. Крупская писала, что Ленина чрезвычайно обеспокоили нравы, водворившиеся в «верхах» в его отсутствие [1, С. 272]. Прежде всего, Ленин не мог не обратить внимания на то, что в структуре ЦК произошли весьма серьезные качественные подвижки. И связаны они были с деятельностью генерального секретаря партии Сталина.

Ленин считал, что секретарю партии следует заниматься чисто административной работой. Однако же, как справедливо заметил Р. Такер, «Ленин не учел того, что секретарская должность таит в себе возможность сосредоточить всю полноту власти в руках одного человека, особенно такого политически сверхамбициозного, как Сталин» [8, С. 201].

Механизм сталинской политики собственного продвижения к власти базировался на стратегии использования Секретариата для образования в провинции надежной партийной клиентуры и последующего превращения местной силы в силу центра. Через Учетно-распределительный отдел и разъездных инструкторов ЦК на местах выявлялись способные люди, подававшие надежды быть полезными Сталину. Процедура выборов продолжала соблюдаться. Однако на результаты выборов все в большей степени

вливали рекомендации ЦК, которые приобретали силу директив [8, С. 202]. Недаром, бывший секретарь ЦК Преображенский жаловался XII съезду, что около 30 процентов всех секретарей губернских комитетов партии были «рекомендованы» Центральным Комитетом [2, С. 146].

Таким образом, Сталину за короткий срок удалось превратить Секретариат ЦК из организационно-технического органа в политический механизм, который позволил ему, по выражению Ленина, «сосредоточить в своих руках необъятную власть» [5, С. 345].

Сложившаяся ситуация заставила Ленина пытаться создать политический противовес власти «тройки». И этот противовес был найден в виде блока «Ленин — Троцкий», который активизировался уже в ноябре 1922 г., когда встал вопрос о монополии внешней торговли.

После того, как 16 декабря 1922 г. с Лениным происходит второй инсульт, он начинает диктовать то, считает необходимым сказать партии на очередном, XII съезде РКП (б). Плодом этих усилий стали письма и статьи, получившие название «Политическое завещание».

В ленинском «Письме к съезду» однозначно негативная нравственная характеристика давалась одному Сталину. Персональная рекомендация съезду была дана также только в отношении Сталина. Несмотря на категорические указания Ленина об абсолютной секретности «Письма к съезду», известно, что Сталин был знаком с его первой записью уже в конце декабря 1922 г. [4, С. 157—159]

Сталин понимал, что пристальный интерес Ленина по поводу «грузинского инцидента» также работает против него. Наконец, из направленной ему 5 марта 1923 г. ленинской записки по поводу грубости в отношении Крупской, Сталин понял, что Ленин готов и к разрыву личных отношений [3, С. 192—193].

Таким образом, Сталин отчетливо осознавал, что возвращение Ленина к активной политической жизни означало бы для него политическую смерть. В этой ситуации Сталин, владевший объективной информацией о состоянии здоровья Ленина, надеялся выиграть время. 5 марта 1923 г. посредством телефонного опроса членов Политбюро он вносит предложение о переносе XII съезда на более поздний срок.

Вскоре у Ленина происходит резкое обострение болезни, которое, по существу, исключило его из политической жизни. Угроза краха политической карьеры Сталина миновала.

Казалось бы, Троцкий имел превосходный шанс для того, чтобы опередить «тройку» и использовать XII съезд для своего наступления против нее. В распоряжении Троцкого находился серьезный компромат на Сталина, касавшийся «грузинского инцидента». Дело в том, что 5 марта 1923 г. Троцкий получил от Ленина статью «К вопросу о национальностях или об автономизации» в сопровождении двух продиктованных им записок. В одной из этих записок Ленин просил Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», которое «находится под «преследованием Сталина и Дзержинского» [6, С. 329].

Тем не менее, Троцкий тогда не решился вынести борьбу за пределы Политбюро и тем самым прямо противопоставить себя «тройке», как он сделал это спустя несколько месяцев, в октябре 1923 г. Как писал И. Дойчер, «в тот момент, когда Сталину грозила политическая гибель, Троцкий протянул ему всепрощающую руку» [7, С. 108]. «Тройка», в свою очередь, понимала, что после XII съезда партии пришло время для

открытого наступления на Троцкого.

Троцкий, занимая должность председателя Реввоенсовета, располагал отличным идеологическим аппаратом, разветвленным по всему Союзу, повсюду, где располагались воинские части. С помощью политически подкованных красноармейцев, возвращавшихся из армии домой, Троцкий имел возможность распространять свое влияние далеко за пределы военных гарнизонов. Поэтому неудивительно, что открытое наступление «тройки» на позиции Троцкого началось именно в этом направлении.

По существу, постановление «О составе РВСР» [1, С. 147—148], принятое Пленумом ЦК 25 сентября 1923 г. без участия Троцкого, носило провокационный характер. Безусловно, Троцкий был чрезвычайно оскорблен таким вмешательством ЦК в дела Реввоенсовета. Его письмо членам ЦК и ЦКК РКП (б) от 8 октября 1923 г. положило начало выходу внутривнутрипартийной борьбы за рамки Политбюро.

В этом письме Троцкий изложил свою точку зрения по важнейшим проблемам партии и страны. Помимо всего прочего, Троцкий весьма четко охарактеризовал политику назначения, отметив, что она исходила из того, в какой мере тот или иной партийный работник может содействовать тому курсу, который проводится через Секретариат ЦК [1, С. 158].

Существенное обострение ситуации вызвало «Заявление 46-ти», поступившее в Политбюро 15 октября 1923 г. Это заявление, подписанное 46 старыми большевиками, содержало выразительное описание нездоровой атмосферы внутри партии. Таким образом, оно фактически представляло собой акцию в поддержку Троцкого.

Столкнувшись с активной и влиятельной оппозицией своей политике, «тройка» немедленно стала принимать меры по превращению этой оппозиции во фракцию. Уже 19 октября 1923 г. в адрес ЦК и ЦКК был направлен «Ответ членов Политбюро на письмо Троцкого». На основе этих утверждений делался вывод, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии» [1, С. 212].

Продолжением внутривнутрипартийной дискуссии стал объединенный Пленум ЦК и ЦКК, который состоялся 25—27 октября 1923 г.

Об атмосфере октябрьского Пленума, да и вообще о том, какими методами велась на нем борьба против Троцкого, красноречиво свидетельствует адресованное Зиновьеву письмо Крупской, присутствовавшей на некоторых заседаниях Пленума. Она прямо обвиняла «тройку» в том, что они могли, но не захотели преодолеть разногласия с Троцким, создали «атмосферу склоки и личных счетов» [1, С. 272]. Следует подчеркнуть, что оценки Крупской особенно важны, поскольку Зиновьев был ее близким другом.

Октябрьский Пленум является своего рода рубежным моментом в истории внутривнутрипартийной борьбы 20-х гг. Троцкий, оказавшийся в атмосфере непримиримой вражды, потерпел на этом Пленуме свое первое серьезное поражение в борьбе с «тройкой», поскольку впервые его позиции были расценены как фракционная деятельность. Так было положено начало свержению Троцкого с пьедестала триумфатора революции и гражданской войны, созданию из образа Троцкого того пугала, при помощи которого Сталин сохранял и укреплял собственные властные позиции.

Источники и литература

1. Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004.
2. Двенадцатый съезд РКП (б): Стенографический отчет. М., 1968.
3. Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.
4. Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54.
7. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929. М., 2006.
8. Такер Р. Сталин. История и личность. М., 2006.

Слова благодарности

Автор выражает признательность своему научному руководителю профессору исторического факультета МГУ им. М.В. ломоносова, д.и.н. Хлевнюку Олегу Витальевичу.